

Православный храм как место исторической памяти.

Лисин Александр Васильевич

Студент

ОмГУ им. Ф. М. Достоевского, Исторический факультет, Омск, Россия

E-mail: avl13579@mail.ru

Актуальность темы. *Православный храм как место исторической памяти.* Историческая память - память группы, общности. Память, состоящая из воспоминаний, обладающих рамками времени и пространства. Воспоминания, подчеркивающие уникальность, особенность отдельной социальной общности. «Ностальгия» охраняющая преемственность поколений внутри группы, этноса, нации, народа, религиозной конфессии.

Историческая память, имеет свои фигуры воспоминания, свои точки кристаллизации воспоминаний свои символы напоминания о минувшем, прошедшем, но не ушедшем, а застывшем где-то в глубинах национального, этнического, религиозного, народного, социального «бессознательного». Такие символы становятся местами исторической памяти.

Места исторической памяти – это точки кристаллизации памяти, точки консолидации исторического наследия, места возможного перехода от живой коллективной памяти к восстановленной истории. Места, где заканчивается живая память событий и начинается история дней минувших. Символические и функциональные точки, где еще живы исторические воспоминания еще способные, оживить старый дух минувших лет, напоминающие о событиях, значимых для этноса, нации, народа, социальной общности, но уже находящиеся на пути к забвению, к безличной истории.

«Места памяти» - «символические объекты» связывающие воспоминания любой общности со своими «вечными» уникальными ценностями, со своим «особенным» прошлым. Это точки, сплетения трех аспектов: материального, символического, и функционального. Места памяти материальны, несут в себе функциональную нагрузку и наделены символической аурой (музеи, медали, памятники, архитектурные сооружения, святые места, храмы и т.д.)

Местами памяти могут быть триумфальные арки, или ворота, статуи, и памятные здания, места подписания или заключения каких-либо важных соглашений и деклараций, это могут быть святилища, алтари, храмы.

Православные храмы - объекты материального мира, они материальны, осязаемы, рукотворны, и пространственно ограничены. Обладают функциональной нагрузкой, обладают функциями, как религиозного сооружения, так и социального учреждения. Храмы наделаются символическими особенностями.

Храм это место памяти? Или же православный храм - это элемент формирования национального самосознания?

В рамках данной работы мы будем рассматривать храм как место исторической памяти в двух аспектах:

- Православный храм – место памяти православных верующих (место памяти элементарной формы религиозного самосознания).

- Православный храм – как элемент формирования национального самосознания. Православный храм, в данном случае выполняет функции «по оживлению» национальной исторической памяти, исполняя роль кирпичика в фундаменте национальной идентичности.

Соответственно **объектом** данной работы, выступают Православные храмы.

Предмет данного исследования: Православный храм как место исторической памяти.

Цель: определить особенность православного храма как места исторической памяти различных социальных общностей.

Задачи:

1. Выявить возможность православного быть местом исторической памяти.
2. Выделить основные составляющие храма как места исторической памяти.
3. Определить особенности православного храма как места исторической памяти православных верующих.
4. Выявить особенности православного храма как места исторической памяти и составляющей национальной идентичности.

Становится важным, выявить возможность храма быть местом памяти: является ли храм местом памяти, или же не является?

Основная гипотеза данного исследования: православные храмы являются местами памяти трех крупных социальных общностей.

Гипотезы следствия:

- Православный храм является 1 из точек сакрализации памяти православных верующих как социальной общности.
- Храмы как исторические, архитектурные, символические элементы являются точками кристаллизации восстановления и укрепления национальной идентичности.

Степень изученности проблемы:

Православный храм как место исторической памяти до сих пор не был предметом специального исследования, однако отдельные его аспекты нашли фрагментарное отражение в работах посвященных исследованиям православной тематики, научных трудах посвященных феномену исторической памяти, и исследовательских работах посвященных изучению феноменов национальной идентичности и самоидентификации. Научные и исследовательские работы, посвященные проблемному полю данного исследования будут разделены согласно задачам, поставленным в данной работе и с учетом явлений и процессов, изучаемых в данной работе. Любой научный труд начинается с определения основных концептов конкретного исследования. Необходимо сразу отметить, что понятие исторической памяти до сих пор в исторической науке не является строго очерченным и общепринятым. Что не мешает данному термину быть популярным в работах различных исследователей.

Базовые положения данной проблематики заложены в работах французского социолога Мориса Хальбвакса («Социальные рамки памяти», [1] «Коллективная и историческая память» [2]). Хальбвакс определял коллективную память в качестве особого сегмента истории, отделенного от научного исторического знания. Коллективные представления общности о прошлом являются одними из ключевых ресурсов формирования внутренней коллективной самоидентификации общности.

В общественном сознании декларируются коллективные воспоминания о прошлом

общества, которые обусловлены современным состоянием социума. В своих изучениях феномена памяти М. Хальбвакс выделял два основных уровня измерения, внутренний (индивидуальная человеческая память) и внешний. Внешний уровень памяти можно условно разделить на четыре области памяти: мимическую, предметную, коллективную, культурную. Основными являются последние две: коллективная и культурная (историческая) память.

Коллективные воспоминания, рассматриваются Морисом Хальбваксом как социальный феномен необходимый для жизни общества, так как исполняют роль конституирующего элемента общности, и является залогом её идентичности. В тоже время человеческая память, индивидуальные воспоминания, в большей степени зависят от социокультурных элементов, чем от индивидуальных наслоений. Историческая память — сквозным образом переходит из поколения в поколение, превращаясь в символические фигуры (места исторической памяти). К данным символам естественным образом «прирастают» воспоминания, и через них история становится мифом. Сакральный характер исторической памяти, в том, что она не распространяется сама по себе как коллективная память, а всегда имеет своих особых носителей — жрецов, учителей, пророков и т.д.

Историческая память создается определенной социальной группой и в ее возникновении участвуют разные факторы. К таким факторам относятся: процессы межгрупповой и межличностной коммуникации, обычаи семей, памятные традиции религиозных групп и т. д. Индивидуальная память, опирается на память коллективную, используя её для уточнения и восполнения своих воспоминаний, а коллективная память «оборачивается» вокруг индивидуальных памятей, но не смешивается с ними. Инструмент, с помощью которого возможно проанализировать историческую память, выступает концепт «социальных рамок памяти». Понятие, заимствованное у Эмиля Дюркгейма, М. Хальбваксом не определяется точно и имеет неоднозначный характер. Присутствует несколько трактовок «рамок памяти:

- «рамки памяти» образуются воспоминаниями, индивидов и групп, и становятся ориентирами в познании прошлого.

- «рамки памяти» это пространственно-временные факторы, обрамляющие формы коллективных и индивидуальных воспоминаний.

- язык «минимальная рамка», образец социального факта – нечто такое, что создано самими людьми, но никем из них не может быть изменено по своей воле.

Параллельно с М. Хальбваксом природу и функции социальных воспоминаний исследовал в 20-е ХХ в. годы немецкий историк искусства Аби Варбург. В основе концепции А. Варбурга, было изучение коллективной памяти через бессознательные компоненты в общественном сознании, влияние бессознательных элементов на общественное сознание, на формирование исторической и культурной памяти. Важны символические места памяти, через которые можно проследить проявления исторической памяти - коллективного бессознательного. Исследования Варбурга, были основаны на изучении искусства и культуры, он интерпретировал произведения искусства как «изобразительные символы» культуры, созданные в «определённом кругу» и манифестирующие «свою культурную идентичность» с ним в определённую эпоху. Весь фонд изображений и жестов, которым располагают общество, а также то, как оно с этим культурным наследием управляется, и есть историческая память, а в основе области распространения

этих изображений является «сообщество вспоминающих» Изучение массовой культуры, позволило А. Варбургу, выявить такие компоненты в исторической памяти:

- элементы воспоминания и забвения
- повторяющиеся мотивы в памяти
- места памяти (сгустки эмоций).

Психоаналитические концепты в изучение исторической памяти вводит и развивает французский мыслитель Поль Рикёр.[3] П. Рикёр одним из первых разделили историческую память на естественную и искаженную (искусственно конструируемую) память. В основе как естественной, так и искусственной исторической памяти, лежит травмирующий опыт. В основе искусственно конструируемой памяти лежит опыт в виде войны, насилия, революций и т.д. Впоследствии, данный опыт легитимизируется и приводит к формированию исторической общности. Такой искусственно узаконенный опыт дает возможность «власти» манипулировать памятью в целях формирования искусственной идентичности. В результате историческая память общности становится непрочной, и неустойчивой в столкновении с течением времени, "с другим и главное: наследование основополагающего насилия, ведет к накоплению обид реальных и мифических. Основным приемом, для злоупотребления исторической памяти является идеология.

Естественная Память по Рикёру обладает нарративной функцией упорядочивания воспоминаний, через обращение к травматическому опыту - долгу. В основе памяти - справедливый долг предшественникам, без которых «мы не мы», долг который, как и наследие предков связывает будущее и прошлое. Долг не есть вина или обида, долг это признание предков. Необходимо как принимать и хранить наследство, перешедшее от предков, так и «платить по счетам». Из оппозиции долг – наследие возникает проблема забвения – уклонение памяти от контроля сознания, еще одна возможность манипулирования памятью через сознательное вычеркивание «ненужных» воспоминаний.

Проблематику травмы исторической памяти, продолжает развивать, И. Рюзен.[4] Концепт травмы в исторической памяти, исследуется через концепт кризиса идентичности, основными видами которого являются:

- нормальный кризис, преодолеваемый приданием смысла измененному времени,
- критический кризис, приводящий к трансформации, воссоздающей действительность,
- катастрофический кризис, ведущей к разрушению идентичности, когда нет возможности безболезненно включить разрушающий элемент в систему памяти и единства идентичностей.

Происходит обновление старой идентичности, путем историзации в разных видах: аномизация, морализация, категоризация, эстетизация, метаисторическая рефлексия, телеологизация, специализация.

Цветан Тодоров, продолжая, линию изучения исторической памяти посредством использования категорий психоанализа, вводит бинарную оппозицию: триумф – травма, через которую происходит упорядочивание воспоминаний об общем прошлом. Триумф - воспоминания о знаменательных событиях, олицетворяющих успех, победы, достижения, через данную группу воспоминаний происходит идентификация общности героев – победителей. Травма - воспоминания о тяжелых событиях, создают образ общности – жертвы. И травмы и триумфы, играют роль средств конституирования идентичности. Но триумф – воссоздание образа победителей через приятные коллективные воспоми-

нения, воспоминания о травмирующем опыте вытесняются из памяти, либо происходит накопление обид.

Д. Лоуэнталь[5] исследуя историческую память в рамках психоаналитических категорий, обращается к понятию ностальгии. Лоуэнталь в основе ностальгии любого типа два основных элемента: желание вернуться в прошлое, и попытка трансформации чуждой окружающей действительности под привычные и близкие чувственные образы. В основе формирования ностальгий любого вида и уровня три аспекта:

- психологические мотивы,
- формы познания (включая научное познание, которое называется историей),
- формы трансформации. Каждый трех аспектов аккуратно разложен на более частные вопросы, в свою очередь получающие ряд частных, не отменяющих друг друга ответов.

Наряду с психоаналитическим направлением в изучении исторической памяти. В изучении памяти можно выделить также направление, связанное с исследованием мнемотехнических практик, и развития социальной коммуникации на память.

Я. Ассман в «Культурная память...»[6] В основе формирования и изменения коллективной памяти лежит коммуникация. Смена типов коммуникации, ведет к смене восприятия памяти. Память у Я. Ассмана понимается как непрерывный процесс, в котором всякая культура, всякое общество или общественная группа формирует и стабилизирует свою идентичность посредством реконструкции собственного прошлого. Содержание памяти определяется социальными и культурными рамками. Вслед за Морисом Хальбваксом, Я. Ассман выделяет четыре области коллективной памяти: мнемотическая, предметная, коммуникативная, культурная память. Основными являются два последних вида памяти:

- коммуникативная память, в основе которой лежит исторический опыт индивидов, память данного вида неформальна, естественна, возникает в процессе взаимодействия индивидов и групп. Данная память состоит из живых воспоминаний в органической памяти, имеет протяженность в 3-4 поколения (80-100 лет). В основе данного вида коллективной памяти свидетельства членов сообщества, объединенных общими воспоминаниями.

- культурная память, в основе миф, первоначальная истина, память учрежденная, оформленная, основанная на ритуальной коммуникации, праздниках. Память, лежащая на фундаменте сложном из традиции и символического кодирования, отраженных в обрядах и ритуалах. Протяженность памяти более 100 лет, основана на мифе о начале времен. У данной памяти есть специфические носители традиций: жрецы, и т.д.

Историческая память начинается в бесписьменной коммуникации, первые формы: обряд и праздник, выполняющие функции точек разделения времени, отсылки к истокам происхождения и творения. Продолжение памяти происходит в письменной коммуникации, когда складывается помнящая культура, в основе которой мнемотопы - места памяти - священные тексты. Происходит переход от памяти об умерших и традиций к складыванию идентичности на основе памятников. Организующую работу выполняют две опции памяти:

- холодная – успокоение, и заморозка изменений
- горячая – возбуждение, и стремление к изменениям,

В основе организации исторической и культурной памяти, лежит альянс памяти и

власти, выраженный в ретроспективных и проспективных способах легитимации власти через воспоминания о её происхождении и способах её увековечивания. Время делится на абсолютное и относительное, происходит появление мифа - исторического объяснения места в мире. Миф - истина высшего порядка, претендует на нормативность и обладает формирующей силой. История, выполняя функцию обоснования, оборачивается мифом.

Культурная память, формирует двух-временность, освобождает от повседневности. Идет переход от обряда к священному тексту – канону. Происходит переход от естественных объединений общностей к их осмыслению и идентификации. Канон закрепляет понимание абсолютного времени, замораживает традиции, представляет поток текстов, с последующим переходом канонических текстов к классике, смысл которой исчезает и воскрешается путем толкования, уходя в измененное прошлое. Прошлое разделяется на два этапа:

- бесписьменный этап – повторение и заучивание событий.
- письменный этап - фиксация и толкование.

Письмо оформляет традицию, дает возможность критики. Канон в формировании идентичности дает три фактора:

- инвариантность – священный характер текстов,
- укрощение вариативности – разумное урегулирование, позволяющее ввести инновацию.
- поляризация – заострение границы, проводимой в духовной области.

Говоря о мнемотехнических практиках и влиянии коммуникации на формировании исторической памяти, интересными являются исследования Ф. Йеттс[7] в области коллективных воспоминаний. В формировании памяти используются два основных вида приемов сохранения воспоминаний: искусственные и естественные способы консервации памяти. Искусственные приемы сохранения коллективных воспоминаний, формируются и развиваются по мере развития коммуникации в сообществе. Историческая память общности во многом становится зависимой, от господствующих типов коммуникации в конкретном сообществе. Ведь историческая память, формируясь через системы образов в коллективных и индивидуальных воспоминаниях, испытывает на себе также влияние и особенности техники запоминания образов, а также их передачу в пространстве и времени. Обращение к истокам мнемотехники, к исследованию в первую очередь античной мнемотехнической практики, приводит к актуализации изучения мест памяти.

В русле продолжения традиций М. Хальбвакса работала также Яэль Зерубавель[8] сделавшая акцент исследования связи коммеративных действий со стремлением независимых общностей публично заявлять, о своих собственных ключевых отличиях. Историческая память и социальные воспоминания становятся частью имени сообщества, коммеративные практики частью процесса самоидентификации. Являясь компонентом идентичности общности, коллективная память вкраплена в актуальную культурную ткань, посредством которой общность определяет себя в социальной среде. Важным в данном компоненте становятся коммеративные практики, и формирующиеся через сообщества памяти, определяющие временные параметры, и точки приближения/удаления, и историческая память начинает формироваться через социализацию. Наряду с памятью Я. Зерубавель, использует термин контр-память (впервые был введен М. Фуко). Я. Зерубавель определяет, его как «Альтернативную повествовательную

модель, прямо противоречащую общей повествовательной конструкции и существующую вопреки подавляющему превосходству последней...»[9]. Термин «контр-память» в силу самой своей природы – память оппозиционная, враждебная господствующей коллективной памяти, обладающая подрывным потенциалом»[10].

Франсуа Артог очень важное место отводит понятию наследия, семиофорам[11] – материальным следам прошлого (материальное воплощение прошлого: мощи святых, другие священные реликвии), своего рода живые образы – памятные места, принадлежат прошлому, но и выполняют символические или даже священные функции (реликвии) для настоящего.

Арнаутов Юлия Евгеньевна («MEMORIA: ...», [12] «Мемориальные аспекты иконографии святого Гангульфа»[13] и «От memoria...»[14]). Важным моментом в мемориальных практиках, является наличие в них социального контекста исторической памяти. В развитии исторической памяти можно выделить два направления литургическое (церковное) и родовое. Историческая память всегда привязана к социальной группе, общности. Важную роль в изменении и трансформации исторической памяти играет смена состава представителей социальной общности. В исторической памяти также происходит сочетание религиозного и социального компонентов, в основе которого лежат элементы, как: культ святых, «культ мертвых» «культ великих предков» выполняющие роль символических фигур памяти. Важную роль в трансляции и сохранении этих фигур – символов играют такие процедуры как: обряды поминовения, и т.д. Основной упор делается на литургические обряды, на обряды обмена даров, молитвы, и другие составляющие церкви. Важными становятся исследования "мемориальных книг" (списки поминаемых на литургии) и групповой самоидентификации. Выделяется два вида memoria:

- Литургическая memoria нерасторжимость сообщества живых и мертвых.

- Групповая, историческая memoria как фактор консолидации при превращении приходской общины в профессиональную группу.

П. Хаттон[15], рассматривает историческую память с позиций её взаимодействия с исторической наукой, в данном взаимодействии, историческая наука исполняет роль каркаса исторической памяти. Память формируется через пересечение значимых символических образов и обстоятельств их возникновения. Образы памяти условны и фрагментарны и целостность значения приобретают только в проекции к конкретным обстоятельствам. Историческая память порождает историческое знание. Хаттон уверен в фундаментальности интереса историков к исследованиям коллективной памяти, так как «здоровый смысл предполагает, что мы нуждаемся в прошлом и обязаны поддерживать живую связь с ним. ... Проблема историков в таком случае заключается в том, как отправиться на поиски утраченных традиций и как согласовать их со столь далёкими историографическими позициями»[16].

Необходимо отметить, что, несмотря на свою популярность, концепт памяти имеет своих критиков, и наибольшей критике подвергается психоаналитического направления в следовании исторической памяти.

Один из главных критиков психоаналитического направления в исследовании концепта памяти, является А. М. Руткевич[17], считающий, что выдвигание понятий коллективной и исторической памяти неоправданным, что память присуща только индивиду. В своих рассуждениях А. М. Руткевич оперирует такими фактами как личностность

и индивидуальность воспоминаний. При этом вся критика А. М. Руткевича направлена на психоаналитические концепции изучения памяти. Критику психоаналитического направления в изучении памяти А. М. Руткевич, начинает с разбора основных вех и понятий психоанализа, затем происходит переход к понятиям памяти и воспоминания, при этом происходит сведение появления концепта памяти к результатам политической и интеллектуальной жизни Германии. И как итог почти весь огонь критики А. М. Руткевича на концепцию травмы в исторической памяти, И. Рюзена и на работы, написанные в русле данной концепции. А. М. Руткевич правильно отмечает, что под прикрытием, концепта исторической памяти в современных гуманитарных науках написано множество популистских, политически ангажированных и всякого рода некачественных научных работ. С другой стороны смущают итоговые выводы труда А. М. Руткевича, суть которых отказ от научности концепта исторической памяти. Все-таки при всей обоснованности критических стрел выпущенных в психоаналитические концепции изучения памяти, не достаточных оснований для отказа от исторической памяти как объекта исторического исследования. Тем более что в критике данного концепта А. М. Руткевичем, были, по сути, рассмотрены только психоаналитические концепции изучения коллективной памяти, и только в рамках теорий И. Рюзена. При этом даже в рамках психоаналитического направления А. М. Руткевичем не рассмотрены не все подходы и теории (почти не затронуты теоретические и философские выводы П. Рикера). Не говоря о том, что из всех исследователей памяти не входивших в психоаналитическое направление изучения исторической и культурной памяти рассмотрен Я. Ассман и то только вскользь. Аргумент что под прикрытием концепта исторической и социальной памяти написано немало не качественных работ, нельзя в принципе считать аргументом, потому как исходя из таких логических посылок, можно отказаться от любых концепций в современной науке, так под прикрытием любой без исключения концепций в науке, написано немало низкокачественных работ. На апелляцию к индивидуальности воспоминаний и памяти, ответил в своих трудах основатель концепта коллективной памяти М. Хальбвакс[18], индивидуальные воспоминания об исторических явлениях зависимы от коллективных восприятий этих воспоминаний. Человеческая память изменчива, как под воздействием времени, так и под воздействием коллективных влияний, наши воспоминания, пересекаются с другими воспоминаниями, и в определенные моменты времени переходят в коллективную память.

Критику психоаналитических концепций в изучении исторической памяти, вслед за А. М. Руткевичем продолжают И. М. Савельева, А. В. Полетаев[19], отмечая неопределенность и размытость понятия историческая память, отсутствие четких определений, возможность в трактовках некоторых авторов пересечения понятия историческая память с такими терминами как социальные представления, историческое сознание, и т.д. Сами И.М.Савельева и А.В.Полетаева («История и время»[20]): отмечая что «историческая память» может представлять собой опорные пункты массового знания о прошлом, считают возможным свести явление исторической памяти не к самостоятельному явлению, а к элементу в области социальных представлений. С чем сложно согласиться, концепты исторической, социальной и коллективной памяти, находятся в стадии осмысления, становления, но в тоже время, данные теоретические конструкции, не сводимы к терминам социальных представлений. Социальные представления, это изменчивые явления, приходящие на короткий момент времени, и уходящие в прошлое без возмож-

ности вернуться и сохранится в памяти будущих поколений. Воспоминания в особенности, относящиеся к исторической памяти, живут в подсознании общности (конфессии, нации, этноса), пока жива общность, пока жив хотя бы один её представитель.

Л.П.Репина, обращается к проблеме коллективной исторической памяти как к теоретическому ресурсу, который сулит отыскание новых способов решения проблем классической историографии и истории. Главным предметом истории, становится не событие прошлого как таковое, а память о нём, тот образ, который запечатлелся у переживших его участников и современников. Понятие «память» употребляется в значении «общий опыт», пережитый людьми совместно» (речь может идти и о памяти поколений), и более широко - как исторический опыт, отложившийся в памяти человеческой общности»[21].

Вообще как уже говорилось выше, концепт исторической памяти является довольно популярным в современной гуманитарной исследовательской среде, примерами этого выступают такие работы как: Кознова И.Е. «Историческая память российского крестьянства в XX веке»[22] Чуйкина С. Дворянская память: "бывшие" в советском городе[23], Шилова-Варьяш И.И. Историческая память и конфессия (на материалах испанского средневекового города)[24], Александр Эткинд Столетняя революция: юбилей начала и начало конца[25], Гудков Л. «Память» о войне и массовая идентичность россиян»[26], Орловски Д. Великая война и российская память[27], Емельянова Т.П. Социальные представления как инструмент коллективной памяти (на примере воспоминаний о Великой Отечественной войне)[28], Варьяш О.И. «Право и историческая память»[29].

Сборники теоретических работы: Память о войне 60 лет спустя: Россия, Германия, Европа[30], «Цепь времен»[31], «Век памяти, память века: Опыт обращения с прошлым в XX столетия»[32], «Диалог мировоззрений: коллективная социально - историческая память и вызовы современности»[33],

Еще одним важным моментом и в данной диссертации и в области изучения проявлений исторической памяти являются места исторической памяти.

И в изучении данных компонентов исторической памяти наряду с основными корифеями исследования исторической памяти (М.Хальбвакс, А. Варбург, Я. Ассман, Ф. Йеттс и др.) важно выделить такого исследователя как Пьер Нора.

Так как именно П. Нора, опираясь на социологию памяти Мориса Хальбвакса, разработал методологическую программу изучения «мест памяти», «символических объектов», с которыми общность связывает свои воспоминания и ценности. П. Нора,[34] вслед М. Хальбваксом разделяет понятия: память и история. Память – живые воспоминания социальных групп, история - репрезентация прошлого. Память выполняет конструктивную, собирательную функцию, она способствует укреплению идентичности, склеиванию отдельных воспоминаний общности, история выполняет деструктивную роль, разрушение спонтанной памяти «убийство» живых воспоминаний. Наиболее важным является выделение и сохранение мест памяти - останков живой истории, переходных этапов от спонтанной живой памяти к мертвой истории, от жизни к смерти памяти и воспоминаний групп. Основные составляющие мест памяти:

- материальный компонент – места памяти материальны, осязаемы и ограничены в пространстве и времени.

- функциональная составляющая – места памяти выполняют определенные функции в жизни общности, исполняют роль моста между давно минувшим и изменчивым

настоящим.

- символическая аура – места памяти это всегда символы, они всегда обладают значением, понятным для посвященных. Это ключи, к тому, что прошло, но еще живо в памяти общности.

Через сочетание этих составляющих формируется возможность мест памяти оживлять коллективные воспоминания о событиях, явлениях, процессах, напоминать нации о традиции и времени эпохе о том, что социальная группа и общность еще жива как общественный организм. Примеры мест памяти, памятники, замки, захоронения, и т.д. Для «мест памяти» характерно наличие относительно стабильного «материального» ядра, переменчивого символического значения и функциональной задачи вызывать воспоминания.

Одним из примером использования концепта «мест памяти» Ф.Б. Шенк «Александр Невский в русской культурной памяти» [35]. «Местом памяти» выступает историческая личность (Александр Невский). При этом сам Ф.Б. Шенк использует трактовку данного термина Пьера Нора. «Местам памяти» характерно наличие относительно стабильного «материального» ядра, переменчивого символического значения и функциональной задачи вызывать воспоминания. Сам Пьер Нора относил к «местам памяти» историческую личность, эмблемы, памятники и здания, институции и девизы. «Места памяти» Ф.Б. Шенка – «пункты фиксации» или «объективированные формы» культурной памяти Я. Ассмана. «Пунктами фиксации» являются тексты, изображения, монументальные постройки. Ф. Б. Шенк упоминает тексты не как «место памяти», но как источниковую базу своего исследования, относя к источникам также изображения (иконы и т.д.).

В ходе работы над данной темой, в поле исследования наряду с концептами историческая память и места памяти, входят конструкты: нация, национальная идентичность, национальное сознание и национализм. Поэтому в историографический обзор данной работы необходимо включить труды посвященные анализу и изучению данных терминов и понятий.

Историографический обзор в данном случае будет носить избирательный характер. Селективность обусловлена не столько мощью историографического потока, сколько его низким качеством. По-настоящему хороших работ - теоретически фундированных, фактологически богатых и интеллектуально оригинальных - вышло совсем немного. Причем за рубежом о национализме вообще и о русском национализме в частности издано работ больше, чем в России. И лучшие работы о русском национализме нередко написаны иностранцами, а не русскими.

Начать необходимо с общих концепций посвященных национализму.

Бенедикт Андерсон [36] вводит в научный оборот концепт - «воображаемых сообществ». В основе существования «воображаемых сообществ» наличие у членов такого типа сообщества, ментального образа сходства. Одним из основных видов «воображаемых сообществ» является нация. Нация - социально-сконструированное сообщество, воображенное людьми, воспринимающими себя как его часть. Нация – воображенное, суверенное и в тоже время ограниченное политическое сообщество. Нация как сообщество воображаема - члены любой нации, никогда не смогут знать всех своих собратьев по нации, никогда не смогут встретиться с ними, и в большинстве случаев никогда о них не услышат. При этом в сознании каждого из членов нации живет образ их общности, их сходства через: общий язык, общую историю, общую историческую память, через

общие символы, знаковые события и прочее. Нация всегда ограничена как сообщество в том, что она всегда подразумевает существование других наций, и противопоставлена другим нациям. Каждая нация стремится к суверенности, вечное стремление к автономности, к суверенному государству. В сознании нации, всегда живет понимание горизонтального товарищества - братства. В основе возникновения наций стало изменившееся восприятие времени и появления печатного капитализма. Формирование наций современного типа начинается в конце XVIII - в начале XIX века. По мнению Эрика Хобсбаума[37], именно в это период времени происходит процесс формирования нации как политического языкового и культурного сообщества. Феномен этнической самоидентификации, начинает складываться на рубеже веков (XVIII - XIX). Основу этнической идентификации составили религиозные языковые и расовые факторы. Но все перечисленные факторы, по мнению Эрика Хобсбаума, малодейственные без феномена национализма (единства: нация – народ – государство). Национализм как феномен, появляется в начале XIX века, затем во второй половине XIX века.

С другой стороны элементы нации и проявления национализма были свойственны не только в последние два века. Как считает Энтони Смит, «нации и национализм всегда существовали в исторических хрониках... [38] Союзы, которые мы называем нациями, и чувства, которые мы называем национализмом, встречаются во все исторические периоды, даже если мы маскируем этот факт, используя для обозначения аналогичных феноменов другие термины. В основе националистических чувств, осознание общего ядра – этничности/этнуса, связь между этносом и нацией выражается через историко-логические и структурно-содержательные компоненты.[39] Признавая этнические корни и этнические ядра, приходится признать и существование националистических чувств, в досовременную эпоху, пусть и имеющие другие наименования: культурная и религиозная исключительность, династическая лояльность, государственный патриотизм и т.д., их природа очевидно родственна современному национализму.[40] Это означает, что союзы и чувства, встречающиеся в современном мире, представляют собой более масштабные и более эффективные версии простых союзов и простых чувств, которые можно проследить в гораздо более ранние периоды человеческой истории.[41] Данные характеристики человеческих существ, их тяга к родству и принадлежности группе, их потребность в культурном символизме (...) вечны.[42] Мы должны ожидать, что нации и национализм вечны.

Эрик Геллнер[43], предлагает понимать нацию как сочетание сопричастности и солидарности, общего наследия и добровольных идентификаций, свободного выбора и разделяемого противопоставления. Национализм - политический принцип, требующий совпадения политических и национальных единиц. Национализм - исторический феномен, на котором строится система национальных отношений современной цивилизации. Национализм, особое историческое состояние, соответствующее периоду активной индустриализации. Национализм — движение больших городов в сельской местности, где национальная культура воспроизводится повседневностью, для него нет почвы и простора. Национальное "пробуждение": массы крайне болезненно ощущают несоответствие между возможностями и состоянием своей национальной культуры, обеспеченностью ее средствами политической власти. Именно в этот момент национализм особенно чувствителен, агрессивен.

Говоря, о русском национализме, необходимо заметить, что большинство работ фо-

кусируются на отдельных конкретно-исторических проявлениях русского национализма, не охватывая его в целом. Наиболее популярным, сюжетом оказалась «черная сотня», наиболее интересными в данном направлении работами являются одна из первых работ о черной сотне: С. Степанова[44] и монография Ю. Кирьянова[45].

Определенный интерес представляет коллективный труд А. М. Верховского, Е.В.Михайловской, В. В. Прибыловского «Политическая ксенофобия»[46], посвящен проблемам русского национализма, в данной работе собраны сведениями обо всех известных «псевдонационалистических» организациях в России, выделены наиболее радикальные группы, а также сделана попытка рассмотреть основные факторы возникновения и становления ультраправых движений в России.

Обобщающего труда о русском национализме российскими учеными до сих пор не создано. Методологически целостное и хронологически последовательное изложение его истории можно обнаружить только в монографии американского ученого Уолтера Лакера[47] и в серии работ советского эмигранта в США Александра Янова[48]. Общей для обоих авторов является презумпция негативного восприятия русского национализма с подпиткой в виде западнцентристского взгляда на русскую историю.

А. Янов[49] критически рассматривает явление национализма, пытается изучить русский национализм через призму исторического времени, начиная с официальной народности Уварова, и заканчивая началом XX века. Кроме того, А. Янов выделяет фазы национализма (начальную, переходную и стадию «дикого национализма»). В целом же А. Янов считает национализм отрицательным явлением в жизни любого общества.

Важной проблемой работ посвященных русскому национализму является частое смешение национализма и схожих с ним явлений, что приводит к искаженному восприятию и изучению данного явления. Возникает проблема девальвации и размывания самого понятия национализм. *Под «национализмом» очень часто понимаются явления и процессы, тесно с ним связанные, но не тождественные ему.*

Очень часто национализм совмещают проявлениями ксенофобии, данные феномены, связаны эмпирически, но все, же являются разными явлениями и процессами. Примером смешения явлений национализма и ксенофобии можно назвать научное произведение: «Русская партия» (автор Митрохин Н.А.).[50] К национализму в данной работе автор относит:

«1. людей, ощущающих себя русскими, вне зависимости от того, к какому этносу (народу) относили себя их предки;

2. людей, выразивших негативное отношение к людям другой этнической принадлежности...;

3. людей, действующих по собственной инициативе...»[51][27].

В данном ключе действует также Верховский, А. М., который в своих работах посвященных «православному национализму», по сути, также оперирует концептами ксенофобии и этноцентризма.

Тем самым в данных работах происходит подмена понятий, и весь русский и православный национализм, по сути, сводится к стремлению к двухпартийности: национализм VS Власть, к антилиберализму, православному монархизму, антивестернизму, антисемитизму, миллениаризму и фундаментализму.

Наиболее интересной в русле изучения русского национализма является обзорная статья Татьяны и Валерия Соловей: «К пониманию русского национализма». В данной

работе, рассматриваются различные подходы к такому явлению как национализм в принципе, и что такое национализм в России в частности. В основе данной работы конвенциональное определение национализма, как политической идеологии, в центре которой находится «нация». Нация выступает «источником суверенитета, объектом лояльности и предельным основанием легитимности власти» [52]. Нация поднимается выше всех других форм групповой солидарности и выше всех иных принципов политической легитимности - монархического, классового и религиозного.

Краткое описание методологии и методики исследования.

В основе методологии данной работы лежат системность и комплексность междисциплинарных методов. Данное исследование выполнено на стыке истории и социологии. Что во многом связано с особенностью объекта данного исследования лежащего на границе теоритико-методологических областей данных наук. В ходе данного исследования использовались сравнительно-исторический метод и метод обобщений. А также при соблюдении принципов историзма, и сохранения историчности взгляда на проблематику данной работы, будут использованы социологические методики для выявления и решения исследовательских задач диссертации. Кроме того для каждого из аспектов работы будет использован особый подход, при сохранении единства методологии.

Основные методы данной работы:

1. Контент – анализ

- Контент–анализ православных сайтов.
- Контент-анализ каталогов статей посвященных православным храмам.
- Контент-анализ православных сайтов.
- Контент-анализ православных интернет-архивов.

2. Включенное наблюдение в храмах.

- Анализ бланков и дневников наблюдений.

Источниковая база исследования, состоит из нескольких массивов источников:

1. Первый блок включает в себя, труды авторов затрагивающих основные концептуальные и методологические составляющие диссертации. Необходимо сразу оговориться, что в данный комплекс источников включены как труды представителей исторической мысли, так и смежные работы представителей других областей гуманитарного знания. Данный блок источников делится на три группы источников:

- Работы, посвященные изучению и исследованию концепта исторической памяти, к таковым относятся труды: М. Хальбвакса, А. Варбурга, П. Рикёра, И. Рюзена, Д. Лоуэн-таля, А. М. Руткевича, И. М. Савельевой, А. В. Полетаева, Л.П.Репиной, Я. Ассмана, Ф. Йеттс, Я. Зерубавель, Ю. Е. Арнаутовой, П. Хаттона, П. Нора. Данные работы были необходимы для построения теоретико-методологического конструкта диссертации.

- Работы, церковной, богословской и религиозной тематики данные работы необходимы для выявления компонентов православного храма как места исторической памяти, необходимых для анализа и интерпретации второстепенного комплекса источников.

- Работы, посвященные изучению национального самосознания, национальной идентичности и национализма. Данная группа источников необходима для доработки теоретической и методологической конструкции второй главы диссертации: «Православный храм как место исторической памяти и основа национальной идентичности. К данной группе источников относятся работы, таких авторов, как: Б. Андерсон, Э. Хобсбаум,

Э. Смит, Э. Геллнер, М. Хрох, А. Янов, У. Лакер, Т. Соловей, В. Соловей.

2. Второй блок включает в себя материалы периодических изданий и делится на три типовые группы источников:

- материалы и архивы сайтов православных храмов.
- Каталоги статей посвященных православным храмам.
- Православные Интернет-архивы.

· Материалы и архивы православных интернет изданий и интернет - версий периодических изданий. В рамках данной исследовательской работе были использованы материалы таких источников, как: Православие.Ру, которое является крупнейшим православным интернет – изданием, в нем наиболее полно отражены основные направления в жизни и развитии православия в России, **как и** ежедневные периодические издания, оно наиболее полно освещает хронологию событий в православном мире. Анализ данного массива источников позволит выявить основные компоненты православного храма как места исторической памяти. Также были использованы материалы и архивы интернет изданий и интернет - версий периодических изданий православно-национальной (православно-националистической) тематики: периодическое издание, "Русская линия". Данные издания являются крупнейшими изданиями православно-национальной тематики. Контент-анализ данного массива источников позволит выявить основные компоненты православного храма как места исторической памяти в контексте национальной идентичности.

3. Бланки и дневники включенных скрытых наблюдений в храмах. Особенности совершения обрядов. Данный блок источников является дополнением к предыдущему блоку источников.

Новизна исследования

Научная новизна диссертации состоит в том, что в ней впервые предпринята попытка комплексно рассмотреть особенность православного храма как места памяти нескольких социальных общностей:

- православных верующих (религиозная группа)
- русских (национальная общность)
- русскоязычных православных (этноконфессиональная группа)

В данной работе будет исследована способность православного храма, быть основой идентичности, как конфессиональных групп и национальных.

[1] Хальбвакс М. Социальные рамки памяти. - М., 2007.М.

[2] М. Хальбвакс. Коллективная и историческая память. // «Неприкосновенный запас» 2005, №2-3 (40-41

[3]Рикёр П. История и истина. – СПб, 2002 г.

[4] Рюзен Й. Кризис, травма и идентичность //«Цепь времен»: проблемы исторического сознания. - М., 2005 – С.38-62

[5]Лоуэнталь Д. Прошлое – чужая страна. – СПб, 2004 г.

[6] Ассман, Ян. Культурная память: Письмо, память о прошлом и политическая идентичность в высоких культурах древности.- М., 2004 г.

[7] Йейтс Ф. Искусство памяти. СПб, 1997

[8]«Зерубавель Я. (2004) Динамика коллективной памяти // Ab imperio . №.3 [<http://abimperio.bin/aishow.pl?state=showa&idart=1041&idlang=2&Code=tV0y14gkIPGAGxB9a52i1vxUj>]

- [9] Зерубавель Я. (2004) Динамика коллективной памяти // Ab imperio . №.3 [<http://abimperio.bin/aishow.pl?state=showa&idart=1041&idlang=2&Code=tV0y14gkIPGAGxB9a52i1vxUj>]
- [10] Зерубавель Я. (2004) Динамика коллективной памяти // Ab imperio . №.3 [<http://abimperio.bin/aishow.pl?state=showa&idart=1041&idlang=2&Code=tV0y14gkIPGAGxB9a52i1vxUj>]
- [11] Термин введен французским историком польского происхождения Кшиштофом Помьяном
- [12] Арнаутова Ю.Е. «MEMORIA: «Тотальный социальный феномен» И объект исследования» В книге: Образы прошлого и коллективная идентичность в Европе до начала Нового времени. М., 2003, с. 19-37.
- [13] Арнаутова Ю.Е. Мемориальные аспекты иконографии святого Гангульфа // Одиссей. Человек в истории. – 2002. – М., 2002. – С.53-75
- [14] Арнаутова Ю.Е. От мемория к «истории памяти» // Одиссей. Человек в истории. – 2003. – М., 2003. – С.170-198
- [15] Хаттон П.Х. История как искусство памяти – СПб, 2003 г.
- [16] Хаттон П.Х. История как искусство памяти – СПб, 2003 г. С. 15
- [17] Руткевич «Психоанализ, История, Травмированная память»/Феномен прошлого ИД. ГУВШЭ С 221-250 М. 2005 г.
- [18] Хальбвакс М. Социальные рамки памяти. - М., 2007.М.
- [19] Савельева И.М., Полетаев А.В. «Историческая память к вопросу о границах понятия» / Феномен прошлого ИД. ГУВШЭ С 170-220 М. 2005 г.
- [20] Савельева И.М., Полетаев А.В. История и время. В поисках утраченного. М., 1997
- [21] История и память: Историческая культура Европы до начала Нового времени / Под ред. Л.П. Репиной. - М. 2006 г. С. 23
- [22] Кознова И.Е. Историческая память российского крестьянства в XX веке: Самара, 2006 г.
- [23] Чуйкина С. Дворянская память: "бывшие" в советском городе (Ленинград, 1920-30-е годы). - СПб, 2006.
- [24] Шилова-Варьяш И.И. Историческая память и конфессия (на материалах испанского средневекового города) // Средневековый город. – Вып.15 – Саратов, 2002 – С.79-86
- [25] Александр Эткинд Столетняя революция: юбилей начала и начало конца «Отечественные записки» 2004, №5 <http://www.strana-oz.ru/?numid=20&article=935> [30.11.2010]
- [26] Гудков Л. «Память» о войне и массовая идентичность россиян//Неприкосновенный запас. 2005. № 2-3;
- [27] Орловски Д. Великая война и российская память// Россия и Первая мировая война. Материалы международного научного коллоквиума. СПб. 1999. С.49-57.
- [28] Емельянова Т.П. Социальные представления как инструмент коллективной памяти (на примере воспоминаний о Великой Отечественной войне)//Психологический журнал. 2002. № 4; <http://www.polit.ru.analytics/2007/11/21/stalinism.html> и др.
- [29] Варьяш О.И. Право и историческая память // От Средних веков к Возрождению. – СПб, 2003. – С.75-81
- [30] Память о войне 60 лет спустя: Россия, Германия, Европа. - М.: Новое литературное обозрение, 2005.
- [31] «Цепь времен»: проблемы исторического сознания. М., 2005 г.

- [32] Век памяти, память века: Опыт обращения с прошлым в XX столетия: Сб.ст. – Челябинск, 2004.
- [33] Диалог мировоззрений: коллективная социально - историческая память и вызовы современности: X Международный симпозиум, 27-29 мая 2009 г., г. Нижний Новгород: [программные и рабочие материалы] / Ред. Дахин Андрей Васильевич; Кол. авт. Волго-Вятская академия государственной службы, Кол. авт. Нижегородское епархиальное управление РПЦ, Кол. авт. Российское Философское общество РАН. - Нижний Новгород: Изд-во Волго-Вятской академии государственной службы, 2009.
- [34] Франция – память: Пер. с фр. / Пьер Нора, Мона Озуф, Жерар де Пюимеж и Мишель Винок. – СПб, 1999 г.
- [35] Ф.Б. Шенк «Александр Невский в русской культурной памяти» [35] М. 2007 г.
- [36] Андерсон Б. «Воображаемые сообщества размышления об истоках и распространении национализма» М. 2001 г.
- [37] Хобсбаум Э. Нации и национализм после 1780 г. СПб. 1998 г.
- [38] Малахов В.С. Национализм как политическая идеология. Уч. пособие. М., 2005. С.57-58.
- [39] Малахов В.С. Национализм как политическая идеология. Уч. пособие. М., 2005. С.57-58.
- [40] Малахов В.С. Национализм как политическая идеология. Уч. пособие. М., 2005. С.57-58.
- [41] Малахов В.С. Национализм как политическая идеология. Уч. пособие. М., 2005. С.57-58.
- [42] Малахов В.С. Национализм как политическая идеология. Уч. пособие. М., 2005. С.57-58.
- [43] Геллнер Э. Нации и национализм. М. 1991.
- [44] Сергеев С.М. Русский национализм и империализм начала XX века // Нация и империя в русской мысли начала XX века. М., 2003
- [45] Кирьянов Ю.И. Правые партии в России. 1911-1917. М., 2001.
- [46] Верховский А.М., Михайловская Е.В., Прибыловский В.В. Политическая ксенофобия. Радикальные группы. Представления лидеров. Роль церкви. М., 1999 г.
- [47] Лакер У. Черная сотня. Происхождение русского фашизма. Москва, 1994.
- [48] Янов А. Россия против России Очерки истории русского национализма 1825-1921. НСБ, 1999.
- [49] А. Янов «Введение в историю русского национализма» // Вестник Московского университета: серия 18, Социология и Политология; 2002 г. №3-6.
- [50] Митрохин Н.А. Русская партия: Движение русских националистов в СССР. 1953-1985 годы. М., 2003.
- [51] Митрохин Н. Русская партия: Движение русских националистов в СССР. 1953-1985 годы. М., 2003 С. 39.
- [52] Малахов В.С. Национализм как политическая идеология. Учебное пособие. М., 2005.

Литература

1. Азбука русского националиста. М., 1996 г.

2. Акатьева С.В. Конструирование исторической памяти: Прообраз Людовика Святого в Ветхом Завете // Культура и общество в средние века - раннее новое время: Сб. аналитических и реферативных обзоров. М. 1998 г. С.49-65.
3. Андерсон Б. «Воображаемые сообщества размышления об истоках и распространении национализма» М. 2001 г.
4. Андерсон Б. «Национализм, идентичность и логика серийности»// «Логос» 2006 г №2
5. Аршба О.И. «Современный правый экстремизм в Европе»// Политические исследования, 2001 г. № 5.
6. Арнаутова Ю.Е. Мемориальные аспекты иконографии святого Гангульфа // Одиссей. Человек в истории. М. 2002 г. – С.53-75
7. Арнаутова Ю.Е. «MEMORIA: «Тотальный социальный феномен» И объект исследования» В книге: Образы прошлого и коллективная идентичность в Европе до начала Нового времени. М., 2003, с. 19-37.
8. Арнаутова Ю.Е. От мнемоника к «истории памяти» // Одиссей. Человек в истории. М. 2003 г. С.170-198
9. Артог Ф. Время и история. «Как писать историю Франции?» // Анналы на рубеже веков: Антология. М., 2002 г. С.147-168
10. Артог Ф. «Типы исторического мышления: презентизм и формы восприятия времени»././Отечественные записки, 2004 г. № 5.
11. Артог Ф. Времена мира, история, историческое письмо пер. фр. А. Беляк // НЛО, 2007 г. № 83.
12. Артог Ф. Порядок времени, режимы историчности // «Неприкосновенный запас» 2008 г, №3(59).
13. Арьес Ф. Человек перед лицом смерти. М.1992 г.
14. Ассман Й. Монотеизм и память. Моисей Фрейда и библейская традиция // Анналы на рубеже веков: Антология. М. 2002 г. С.130-146
15. Ассман, Ян. Культурная память: Письмо, память о прошлом и политическая идентичность в высоких культурах древности. М. 2004 г.
16. Астров А. Самочинное сообщество: политика меньшинств или малая политика? Таллин. 2007 г.
17. Биллиг М. Повседневное напоминание о Родине // Логос. 2007. № 1.
18. Бобкова М.С. Память о событии и история в эпоху позднего средневековья // Ис-торики в поиске новых смыслов: Сб. ст. Казань. 2003 г. С.265-273

19. Болотов В.В. «Лекции по истории русской церкви» т. 1 М. 1907 г.
20. Болотов В.В. «Лекции по истории русской церкви» т. 2 М. 1910 г.
21. Болотов В.В. «Лекции по истории русской церкви» т. 3, М. 1913 г.
22. Брагина Н.Г. Память в языке и культуре. М. 2007 г.
23. Бройи Дж. Подходы к исследованию национализма. // Нации и национализм. М. 2002 г. С. 201-235.
24. Буганов А.В. Воин-герой в исторической памяти русских // Мужской сборник. – Вып.2 М., 2004 г. С.197-204
25. Буганов А.В., Громыко М.М. О воззрениях русского народа. М. 2007 г.
26. Варбург А. Великое переселение образов. Исследование по истории и психологии возрождения античности. СПб: Азбука-Классика, 2008 г.
27. Гомбрих Э. Амбивалентность классической традиции: психология культуры Аби Варбурга// Новое литературное обозрение, 1999, № 39, с.7-23
28. Гинзбург К. От Варбурга до Гомбриха// Он же. Мифы — эмблемы — приметы. М.: Новое издательство, 2004, с.51-132
29. Варьяш О.И. Право и историческая память // От Средних веков к Возрождению. СПб, 2003 г. С.75-81
30. Варьяш О. И. Понятия «закон», «право» и «обычай» в Португалии XIV в. // Право в средневековой мире. М., 1996 г.
31. Вдовина Л.Н. Что есть «мы»? (Русское национальное самосознание в контексте истории от Средневековья к Новому времени) // Русский народ: историческая судьба в XX веке. М., 1993. С.10.
32. Век памяти, память века: Опыт обращения с прошлым в XX столетия: Сб.ст. – Челябинск, 2004 г.
33. Вен Поль. Греки и мифология: вера или неверие?: Опыт о конституирующем воображении. – М., 2003 г.
34. Вен Поль. Как пишут историю: Опыт эпистемологии. М., 2003 г.
35. Верховский А., Папш А., Прибыловский В. Политический экстремизм в России. М, 1996;
36. Верховский А., Прибыловский В. Национал-патриотические организации в России. История, идеология, экстремистские тенденции, М, 1996;
37. Верховский А., Политическое православие: русские православные националисты и фундаменталисты, 1995-2001 гг. М., 2003;

38. Цена ненависти: национализм в России и противодействие расистским преступлениям: (сб. статей) / Сост. А.Верховский. М., 2005;
39. Русский национализм: идеология и настроение: (сб. статей) / Сост. А.Верховский. М., 2006;
40. Верхи и низы русского национализма: (сб. статей) / Сост. А.Верховский. М., 2007 и др.
41. Верховский А. Национализм и ксенофобия в российском обществе. М.,1998 г.
42. Политическое православие: Русские православные националисты и фундаменталисты, 1995—2001 гг.
43. Верховский А.М., Михайловская Е.В., Прибыловский В.В. Политическая ксенофобия. Радикальные группы. Представления лидеров. Роль церкви. М., 1999 г.
44. Вигилянский В. Новое исследование по старым рецептам // Новый мир. 2001. № 4.
45. Винокурова М.В. Источники по истории английского средневекового манора как свидетельства исторической памяти // Культура исторической памяти. Материалы науч. конф., 19-22 сент. 2001 г. Петрозаводск, 2002 г.С.26-35
46. Винокурова М.В. Обычай как средоточие памяти в мире английского копигольда // Историки в поиске новых смыслов. Казань, 2003 г. С.273-284
47. Волкогонова О.Д., Татаренко И.В. «Этническая идентификация русских или искушение национализмом» // Мир России, 2001 г. №2.
48. Высокова В. В. Память как исторический феномен // Известия Уральского государственного университета. 2008 г. № 59. С. 317-322.
49. Гаврилов Ю.А., Кофанова Е.Н., Мчедлов М.П., Шевченко А.Г. 2005. «Конфессиональные особенности религиозной веры и представлений о её социальных функциях». Социологические исследования. №6, с. 46-56.
50. Гене Б. История и историческая культура средневекового Запада. М., 2002 г.
51. Геллнер Э. Нации и национализм. – М.: Прогресс, 1991 г.
52. Глазырина Г.В. Этнография Восточной Европы в древнескандинавских источниках. К вопросу об избирательности исторической памяти // Культура исторической памяти. Петрозаводск, 2002 г. С.5-11
53. Гросул В.Я., Итенберг Б.С., Твардовская В.А. и др. Русский консерватизм XIX столетия. Идеология и практика. М., 2000;
54. Гудков Л. «Память» о войне и массовая идентичность россиян // Неприкосновенный запас. 2005 г. № 2–3;

55. Гусев В.А. Русский консерватизм: основные направления и этапы развития. Тверь, 2001;
56. Дудко М. Лоргус, Войнова А., Кисель В., Иличева Н. «Книга о Церкви» М. 1997
57. ДИАЛОГИ СО ВРЕМЕНЕМ: ПАМЯТЬ О ПРОШЛОМ В КОНТЕКСТЕ ИСТОРИИ // Сборник статей. Отв. ред. Л. П. Решина М.: Кругъ, 2008
58. Диалог мировоззрений: коллективная социально - историческая память и вызовы современности. Нижний Новгород. 2009 г.
59. Дмитриева М.Г. Состояние и тенденции развития исторической памяти в массовом сознании российского общества. М., 2005 г.
60. Дмитровская М.А. Философия памяти // Логический анализ языка: Культ. концепты. М., 1991 г. С. 83
61. Древнейшие государства Восточной Европы: Историческая память и формы ее воплощения. – М., 2003 г.
62. Древнейшие государства Восточной Европы: Генеалогия как форма исторической памяти. – М., 2004 г.
63. Евдокимов П. «Православие» М. 2002 г.
64. Емельянова Т.П. Социальные представления как инструмент коллективной памяти /Психологический журнал 2002 г. №4
65. Ермашов Д.В., Пролубников А.В., Ширинянц А.А. Русская социально-политическая мысль XIX - начала XX века: Л.А.Тихомиров. М., 1999;
66. Заклинский П.А. Историческое время и историческая память. М., 1999
67. Замятин, Д.Н. Образ наследия в культуре // Человек. 2008 г. № 5. С. 39—46.
68. Здравомыслов А.Г. Межнациональные конфликты в постсоветском пространстве. М., 1999 г.
69. Зеньковский Сергей. Русское старообрядчество: духовные движения семнадцатого века. Репринтное воспроизведение. М., 1995.
70. Зерубавель Я. (2004) Динамика коллективной памяти // Ab imperio . №.3 [http://abimperio.
71. Йейтс Ф. Искусство памяти. СПб, 1997 г.
72. Йерушалми Й.Х. Захор: Еврейская история и еврейская память М. 2004.
73. Ионов И.Н., Хачатурян В.М. Теория цивилизаций от античности до конца XIX века. М., 2002 г.
74. Ионин Л.Г. Социология культуры. - М.: Логос, 1998 г.

75. Историческая память и социальная стратификация: Социокультурный аспект. Материалы XVII Межд. науч. конф., 16-17 мая 2005 г. Ч.1-2. СПб, 2005 г.
76. История Религии в России», под ред. Н. А. Трофимчука. М. 2002 г.
77. Кановская М.Б. "Современная энциклопедия: Этикет". М. 2005 г.
78. Кандалинцев В. Новые православные // Истина и жизнь. 2000. № 2.
79. Карташев А.В. «Очерки по истории Русской Церкви» Том 1. 2007 г.
80. Кассирер Э. Философия символических форм. Том 2. Мифологическое мышление. М.: СПб. 2002.
81. Кирьянов Ю.И. Правые партии в России. 1911-1917. М., 2001.
82. Креленко Н.С. Причудливая память потомков: Английская революция в общественной мысли Великобритании XVIII века // Диалог со временем. - № 4. М., 2001 г. С.74-83
83. Козина А. И. CASE STUDY: Некоторые методические проблемы // Рубеж. 1997. № 10-11. С. 177-189.
84. Кознова И.Е. Историческая память российского крестьянства в XX веке. Самара. 2006.
85. Коротеева В.В Теории национализма в зарубежных социальных науках. М., 1999.
86. Кудрявцев И.Е. «Национальное Я и политический национализм»// Политические исследования, 1997 г. № 2.
87. Культура исторической памяти: Материалы науч. конф.,19-22 сент.2001 г. Петрозаводск, 2002 г.
88. Культура исторической памяти: невостребованный опыт: Материалы Всерос. науч. конф., 25-28 апреля 2003 г. Петрозаводск, 2003 г.
89. Кустарев А. Нервные люди. С.235.
90. Лакер У. Черная сотня. Происхождение русского фашизма. Москва, 1994.
- 40 Лебедева Н.М. Теоретико-методологические основы исследования этнической идентичности и толерантности в поликультурных регионах России и СНГ // Идентичность и толерантность: Сб.статей / Под ред. Н.М.Лебедевой. М., 2002. С.18.
91. Лихачев Вячеслав, Прибыловский Владимир. Русское Национальное Единство, 1990-2000. В 2-х т. Stuttgart, 2005;
92. Лихачев Вячеслав. Нацизм в России. М., 2002;
93. Лобок А.М. Антропология мифа. Екатеринбург: Банк культурной информации, 1997.

94. Лоуэнталь Д. Прошлое – чужая страна. СПб, 2004 г.
95. Макарий (Булгаков) Митрополит Московский и Коломенский. «История Русской Церкви». М. 1994-1996
96. Макарова Е.А. Национальная мысль и национальное сознание в Англии // Национальная идея в Западной Европе в Новое время. Очерки истории / Отв. ред. В.С.Бондарчук. М., 2005. С.120-121.
97. Малахов В.С. Национализм как политическая идеология. Учебное пособие. М., 2005;
98. Маликова Н.Р. «Этносоциологическое исследование трансформаций постсовременных наций» // Социологические исследования, 2006 г. № 1.
99. Манн М. Нации - государства в Европе и на других континентах: разнообразие форм, развитие, угасание // Нации и национализм М. 2002 г. С.381-410.
100. Матвеева Н.Ю. «С.Н. Булгаков о характере русской нации» // Вестник Московского университета: Серия 18, Социология и Политология; 2002 г. № 4.
101. Митрохин Н. Русская партия: Движение русских националистов в СССР. 1953-1985 годы. М., 2003.
102. Митрохин Н.А. «Русская православная церковь - итоги десятилетия». «Неприкосновенный запас» 2003, №6(32)
103. Митрохин Н.А. «Православное образование в России». «Неприкосновенный запас»
104. Митрохин Н.А. «Церковь после кризиса». «Неприкосновенный запас» 2006, №6(50)
Мчедлов М.П., Филимонов Е.Г. Социально-политические позиции верующих в России // Социол. исслед. 1999. № 3. С. 104.
105. Михайлов В.А. Субъективные основы национального движения. Саратов. 1993 г.
106. Мелетинский Е.М. Мифология и фольклор в трудах К. Леви-Строса / К. Леви-Строс. Структурная антропология. — М.: Наука, 1985.
107. Мукомель В.И. « Грани интолерантности» Мигрантофобия и Этнофобия // Социологические исследования, 2005 г. № 5.
108. Мчедлов М.П. Новый тип верующих на пороге третьего тысячелетия // Исторический вестник. 2002. № 9-10.
109. Мчедлов М.П. О религиозности российской молодежи // Социол. исслед. 1998. № 6
110. Налетова И.Н. "Новые православные" в России: тип или стереотип религиозности // Социологические исследования. 2004. № 5. С. 130-136.

111. Нейрн Т. Интернационализм и второе пришествие // Нации и национализм. М. 2002 г. С.347-363.
112. Никольский Н.М. «История русской церкви» М. 1988 г.
113. Нуркова В.В. Свершенное продолжается: психология автобиографической памяти личности. М. 2000 г.
114. Нуркова В. В. Историческое событие как факт автобиографической памяти // Во-ображаемое прошлое Америки. История как культурный конструкт. М. 2001 г. С. 22–23.
115. Орловски Д. Великая война и российская память // Россия и Первая мировая война. Материалы международного научного colloquiuma. СПб. 1999 г. С.49-57.
116. Образ войн и революций в исторической памяти: материалы международной научной конференции (Пятигорск, 24-25 апреля 2009 г.) / Кол. авт. Ставропольский государственный университет; Кол. авт. Пятигорский государственный лингвистический университет, Кол. авт. Российский государственный аграрный университет МСХА им. К.А. Тимирязева, Редкол. Булыгина Тамара Александровна. - Пятигорск; Ставрополь; Москва. 2009 г.
117. Онкен Э.-К. От истории освобождения к истории оккупации. Восприятие Второй мировой войны и память о ней в Латвии после 1945 года // Неприкосновенный запас. 2005 г. № 40-41
118. Память детства: Западноевропейские воспоминания о детстве от поздней античности до раннего нового времени (III – XVI вв.): Учебное пособие по педагогической антропологии/Ред.-сост. В.Г. Безрогов М., 2001 г.
119. Память детства... эпохи рационализма и Просвещения. М. 2001 г.
120. Память о войне 60 лет спустя: Россия, Германия, Европа. – 2е испр. и расшир. изд. М., 2005 г.
121. Поздняков Э.А. Нация. Национализм. Национальные интересы. М.1994 г.
122. Половинкин А. И. «Все о православии и нормах». М. 2003
123. Померанцев А.Г. Историческое переживание как способ осмысления времени. СПб. 1997 г.
124. Пушкарева Т.В. Память, культура, история: к проблеме исторического времени. М. 2001 г.
125. Репина Л.П. Историческая память и современная историография // Новая и новейшая история. 2004 г. № 5. С.39-51
126. Репина Л.П. Культурная память и проблемы историописания (историографические заметки). М., 2003 г.

127. Репина Л.П. Социальная память и историческая культура средневековой Европы (к итогам работы над проектом) // Диалог со временем. Вып.12 М., 2004 г. С.5-19
128. История и память: Историческая культура Европы до начала Нового времени / Под ред. Л.П. Репиной. – М. 2006 г.
129. История через личность: историческая биография сегодня/ред. Л. П. Репина- М., 2005 г.
130. Репина Л.И. Образы прошлого в памяти и истории // Образы прошлого и коллективная идентичность в Европе до начала Нового времени. М. 2003 г. С.9-18.
131. Рикёр П. Время и рассказ.- Т.1: Интрига и исторический рассказ; Т.2: Конфигурации в вымышленном рассказе. СПб, 2000 г.
132. Рикёр П. История и истина. СПб, 2002 г.
133. Рикёр П. Память, история, забвение. М., 2004
134. Розенберг У.Г. Историки, архивисты и проблема социальной памяти на рубеже нового столетия // Исторические записки. - № 3(121). М., 2000 г. С.160-177
135. Россия - Ирландия: коллективная память: Материалы конференции. М., 2007 г.
136. Руткевич А.М. Психоанализ и доктрина «исторической памяти» Препринт. – М., 2004.
137. Рюзен Й. Кризис, травма и идентичность // «Цепь времен»: проблемы исторического сознания. М., 2005 г. С.38-62
138. Рюзен Й. Утрачивая последовательность истории (некоторые аспекты исторической науки на перекрестке модернизма, постмодернизма и дискуссии о памяти) // Диалог со временем. Вып.7 М., 2001 г. С.8-26
139. Савельева И.М. Знание о прошлом: теория и история. – Т.1: Конструирование прошлого. СПб, 2003
140. Савельева И.М. История и время: в поисках утраченного М., 1997 г.
141. Савельева И.М. Социальные представления о прошлом: источники и репрезентации. М., 2005
142. Савельева И.М. Социальные представления о прошлом: типы и механизмы формирования. М., 2004.
143. Савельева И.М., Полетаев А.В. История и время. В поисках утраченного. М., 1997.
144. Самоваров А. Останутся ли в России русские? Русское национальное самосознание: триумф или катастрофа. М., 2007.

145. Самоваров А. Перспективы русского национализма: национализм с чело-веческим лицом. М., 2008;
146. Саркисянц М. «Английские корни немецкого фашизма» СПб., 2003.
147. Сергеев С.М. Русский национализм и империализм начала XX века // *Нация и империя в русской мысли начала XX века*. М., 2003.
148. Сергеев Сергей. «Русизм»: третья волна // *Политический класс*. 2008. № 6.
149. Скоробогатова, Таисия Ивановна *Французская фразеология в зеркале исторической памяти*; Кол. авт. Федеральное агентство по образованию РФ, Кол. авт. Южный федеральный университет. Ростов-на-Дону, 2009.
150. *Славянофильство и западничество: консервативная и либеральная утопия в работах Анджея Валицкого*. Реферативный сборник / Сост. К.В.Душенко. В 2-х вып. Вып.1., М., 1991; Вып. 2. М., 1992.
151. Смелова М.Н. Память и идентичность: как общества воссоздают свое прошлое и управляют им? (Обзор материалов) // *XX век: Методологические проблемы исторического познания*. Сб. обзоров и рефератов. Ч.2. М..2002 г. С.277-282.
152. Смит Э. *Национализм и модернизм. Критический обзор современных теорий наций и национализма*. М. 2004 г.
153. Смит Э.Д. *Национализм и историки*//*Нации и национализм*/ М. 2002 г. С.236-263.
154. Смирнов А. *Национализм: нация=коллективное действие: пустое означающее* // *Логос*. 2006. № 2 (53). С. 162.
155. Соколова, Марина Валентиновна *Теоретические основы изучения исторической памяти: учебное пособие*; Ярославль. М., 2004 г.
156. Соловей В.Д. *Русское национальное движение 60-80-х годов XX века в освещении зарубежной историографии* // *Отечественная история*. 1993. № 2.
157. *Социология религии: учебник* / под ред. В. И. Гараджи. – М. 2007г.
158. *Старые церкви, новые верующие. Религия в массовом сознании постсоветской России*. // Под ред. К. Каарияйна, Д. Фурмана. М.: Летний сад, 2000.
159. Степанов С. *Черная сотня*. 2-е изд., доп. и перераб. М., 2005.
160. Томпсон Пол. *Голос прошлого. Устная история* М. 2003 г.
161. Тощенко Ж.Т. *Парадоксы религиозного сознания* // *Реформирование России: реальность и перспективы*. М.. 2003. С. 303; Он же. *Парадоксальный человек*. М., 2005. С. 263-283.
162. Тощенко Ж.Т. *Постсоветское пространство: суверенизация и интеграция: этносоциологические очерки*. М. 1997 г.

163. Фадеева Л.А. Образ викторианской эпохи в коллективной памяти англичан // Диалог со временем Вып.1 М. 1999 г. С.152-169
164. Федоров О.С. Онтологическая составляющая проблемы исследования человеческой памяти (исторические и социальные аспекты). Казань. 2005 г.
165. Ферретти М. Непримируемая память: Россия и война. Заметки на полях спора на жгучую тему // Неприкосновенный запас. 2005 г. № 40-41
166. Филатов С. Б. Религия и общество: очерки религиозной жизни современной России. М.: 2002.
167. Франция – память: Пер. с фр. / Пьер Нора, Мона Озуф, Жерар де Пюимеж и Ми-шель Винок. СПб. 1999 г.
168. Фурсов А.И. Интеллигенция и интеллектуалы. Предисловие к книге А.С.Кустарева «Нервные люди. (Очерки об интеллигенции)» // Кустарев А. Нервные люди: Очерки об интеллигенции. М., 2006. С.60.
169. Хайдеггер М. Бытие и время. М 1997 г.
170. Хальбвакс М. Социальные классы и морфология. СПб, 2000 г.
171. Хальбвакс М. Социальные рамки памяти. М., 2007 г.
172. М. Хальбвакс. Коллективная и историческая память. // «Неприкосновенный запас» 2005, №2-3 (40-41). <http://magazines.russ.ru/nz/2005/2/ha2.html> [10.11.2010]
173. Хаттон П.Х. История как искусство памяти СПб, 2003 г.
174. Хюбнер К. Истина мифа. — М. 1996 г.
175. Хюльзен-Эш А. фон. Роль памяти в становлении сословия юристов: изобразительная репрезентация Джованни да Леньяно // Одиссей. Человек в истории М., 2002 г. С.76-100.
176. Хобсбаум Э. Нации и национализм после 1780 г. СПб. 1998 г.
177. Хобсбаум Э. Д. Принцип этнической принадлежности и национализм в современной Европе /М. 2002 г. С.332-346.
178. «Цепь времен»: проблемы исторического сознания. М., 2005 г.
179. Чуйкина С. Дворянская память: "бывшие" в советском городе (Ленинград, 1920-30-е годы). СПб, 2006 г.
180. Цыганков А.П. «Национальная идентичность и интерпретация политико-экономических идей в постсовременном мире» // Вестник Московского университета: Серия 18, Социология и Политология; 2002 г. № 2.

181. Чудинов А.В. На руинах памяти: о новейших российских изданиях по истории Французской революции XVIII в. // Новое литературное обозрение. 2007 г. № 86.
182. Шилова-Варьяш И.И. Историческая память и конфессия (на материалах испанского средневекового города) // Средневековый город. Вып.15 Саратов, 2002 г. С.79-86
183. Шипов Я. А. Православный словарь М. 2000 г.
184. Шнирельман В.А. Национальные символы, этноисторические мифы и этнополитика // Теоретические проблемы исторических исследований. Вып. 2. М., 1999 г.
185. Шнирельман В. Цивилизационный подход, учебники истории и «новый расизм» // Расизм в языке социальных наук. М. 2002 г.
186. В. А. Шнирельман Миф о прошлом и национализм <http://semitology.lugovsa.net/lyrics/schn> [10.01.2011]
187. Шнирельман В.А. Страсти по Аркаиму: арийская идея и национализм // Язык и этнический конфликт. № 2 М. 2001
188. Эксле О.Г. Культурная память под воздействием историзма // Одиссей. Человек в истории. М. 2001 г. С.176-198
189. Элиаде М. Аспекты мифа. М. 1996 г.
190. Этнос и политика: Хрестоматия. М., 2000 г.
191. Янов А. Русская идея и 2000-й год. Нью-Йорк, 1988.
192. Янов А. Россия против России Очерки истории русского национализма 1825-1921. НСБ, 1999.
193. Янов А.Россия: У истоков трагедии. 1462-1584. Заметки о природе и происхождении русской государственности. М., 2001.
194. Янов А. «Введение в историю русского национализма»// Вестник Московского университета: серия 18, Социология и Политология; 2002 г. №3-6.
195. Язык и этнический конфликт. М., 2001.